

28 панфиловцев: вечная слава павшим, выжившим – лагеря...

Реальный ход событий стал известен – правда, очень ограниченному кругу людей – уже в 1948 году, во время суда над одним из, участников того легендарного боя Иваном Добробабиным. Панфиловца судили за сотрудничество с немецкими оккупантами. Широкой общественности материалы процесса стали доступны в 1990 году благодаря российскому историку Борису Соколову. Как выяснилось, в легенде о панфиловцах почти все – неправда. Бойцов, участвовавших в сражении, было не 28, а около 140. Количество подбитых ими танков сильно преувеличено. Через несколько часов Дубосеково было захвачено немцами, так что о том, что панфиловцы остановили врага, говорить не приходится. В бою были выжившие, но сам факт их существования противоречил легенде. И страна, ради которой они проливали кровь на поле боя, обошлась с ними не лучше, чем с дезертирами. Искажение фактов просто чудовищное. И вся ответственность за него лежит не на абстрактной «машине пропаганды», а на конкретных людях: корреспонденте «Красной звезды» Владимире Коротееве и главном редакторе этой газеты Давиде Ортенберге.

23–24 ноября 1941 года Владимир Коротеев вместе еще с одним журналистом, репортером «Комсомольской правды», беседовал с Рокоссовским в штабе 16-й армии. Предметом беседы был героизм солдат, отдающих все свои силы защите Отечества. Журналистам предложили написать репортаж «из окопа», однако на передовую их все-таки не пустили. Пришлось довольствоваться материалами «из вторых рук». В штабе они познакомились с комиссаром панфиловской дивизии Егоровым. Рассказывая о героизме солдат, Егоров привел пример боя одной из рот с немецкими танками и предложил написать об этом сражении. Точное число бойцов роты комиссар не знал. Он сообщил только о двух случаях предательства. Вечером в редакции материал подработали, остановились на том, что в роте должно было остаться примерно 30 бойцов. Число 28 получили путем простого вычитания: ведь двое были предателями, а не героями. К тому же очередной номер выходил 28 ноября, так что получался красивый заголовок. Ни редактор, ни автор статьи не могли предположить, какие последствия будет иметь выход заметки... Тема панфиловцев быстро стала популярной. Появился еще ряд очерков о героях-панфиловцах (правда, сам Коротеев к теме больше не возвращался, ее передали другому журналисту, Кривицкому). Легенда очень понравилась Сталину, и всем 28 панфиловцам было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Что же на самом деле произошло у разъезда Дубосеково? И в чем состоял подвиг панфиловцев? Мнение историков таково: действительно, бойцы панфиловской дивизии проявили героизм, задержав наступление танков на четыре часа и позволив командованию подтянуть войска для решающей битвы. Однако славу заслужил весь батальон, а не только знаменитая 4-я рота 1075-го полка 316-й стрелковой дивизии. И главный подвиг бойцов – то, что они, преодолев страх перед танками, при минимальном техническом обеспечении (на всю роту, по некоторым данным, приходилось всего два противотанковых ружья!) сумели остановить танковую колонну.

Как свидетельствуют материалы следствия, рота 16 ноября 1941 года готовилась не к обороне, а к контрнаступлению. Но не успели: немцы пошли в атаку раньше. Несмотря на то что выжившие участники боя должны были представить точные сведения, историки до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно состава немецких войск, участвовавших в атаках. Одни полагают, что в бою были задействованы только танки без поддержки пехоты. Другие настаивают на том, что бронетехнику поддерживали пехотинцы. Да и количество танков варьирует от 20 до 70. Еще более странно то, что до сих пор предметом споров является имя командира панфиловцев. Согласно одной из версий, командование принял на себя помкомвзвода И. Е. Добробабин и только после его ранения к панфиловцам сумел добраться политрук 4-й роты В. Г. Клочков, посланный командиром роты Гундиловичем. На участок, который защищали панфиловцы, во время первой атаки двинулось пять-шесть танков (вошедшие в легенду 20 танков – это общая численность техники, атаковавшей весь полк). Второй взвод, которым командовал Добробабин, сумел подбить один из них. А в целом на участке роты благодаря мужеству бойцов было подбито пять или шесть танков. Немцы отступили. В следующую атаку уже пошло несколько линий танков, по 15–20 в каждой. Второй бой длился около 40 минут и закончился полным разгромом. На поле боя осталось 15 немецких танков (позже к ним приписали еще три и договорились, что все танки были подбиты именно бойцами четвертой роты). А из роты, в которой перед боем насчитывалось 120–140 бойцов, осталось в строю всего несколько человек. Некоторые погибли, другие сдались в плен.

После сражения по полю боя прошла немецкая похоронная команда. Были обнаружены и взяты в плен И. Д. Шадрин (без сознания) и Д. Ф. Тимофеев (тяжелораненый). Есть сведения, что Шадрин пролежал на поле боя шесть дней, пока немцы не установили, что он жив. Еще двоих тяжелораненых – И. М. Натарова и И. Р. Васильева – местные жители доставили в медсанбат. Г. М. Шемякин, периодически теряя сознание, полз, пока в лесу его не обнаружили конники генерала Доватора. Было и еще двое выживших: Д. А. Кожубергенов (Кожабергенов) и И. Е. Добробабин.

Судьба уцелевших героев сложилась по-разному. Натаров скончался в медсанбате от полученных ран. Оставшиеся в живых шестеро панфиловцев попытались о себе напомнить: Васильев и Шемякин – после выписки из госпиталей, Шадрин и Тимофеев – позже, пройдя все ужасы концлагерей. К «воскресшим» героям отнеслись крайне настороженно. Ведь вся страна знала, что все участники боя у Дубосекова пали смертью храбрых. Начались беспрестанные проверки, допросы, издевательства. Особенно враждебно отнеслись к Шадрину и Тимофееву: попасть в плен для советского солдата было равносильно предательству Родины. Однако со временем все четверо получили свои Золотые Звезды – кто раньше, кто позже.

Гораздо трагичнее сложилась судьба еще двоих панфиловцев: Д. А. Кожубергенова и И. Е. Добробабина. Даниил Александрович Кожубергенов был связным политрука 4-й роты В. Г. Ключкова. В бою он был контужен, в бессознательном состоянии попал в плен к немцам, но уже через несколько часов сумел бежать, наткнулся на конников Доватора и вместе с ними прорвался из окружения. Узнав из газет о том, что его считают погибшим, он первым из панфиловцев заявил о себе. Но вместо награждения его арестовали. Следователь Соловейчик под дулом пистолета заставил Кожубергенова расписаться в «самозванстве». Его отправили в маршевую роту, но после тяжелого ранения под Ржевом списали, и он вернулся в Алма-Ату. А для того чтобы избежать проблем в будущем, решили «подкорректировать» список героев. Так вместо Даниила Александровича Кожубергенова появился Аскар Кожебергенов. Ему даже придумали биографию. А настоящий участник сражения так и умер «самозванцем» в 1976 году. Он до сих пор не реабилитирован и официально не признан.

И. Е. Добробабин во время боя был контужен и присыпан землей. Вероятно, поэтому похоронная команда немцев его сразу не обнаружила. Ночью он очнулся и отполз к лесу. Когда, пытаясь найти своих, Добробабин зашел в село, его схватили немцы и отправили в Можайский лагерь. При эвакуации лагеря он сумел сбежать из поезда, выломав доски и выпрыгнув на полном ходу. Прорваться к своим было невозможно: все окрестные села заняли

немцы. Тогда Добробабин решил пробраться в родное село Перекоп в Украине. Немцев в Перекопе не оказалось, и он поселился у своего больного брата Григория, который помог ему через сочувствовавшего советской власти старосту П. Зинченко получить справку о постоянном проживании в этом селе. Но вскоре последовал донос, и Добробабина отправили в Левандаловский лагерь. Видимо, среди немцев тоже встречались взяточники, потому что родственникам удалось выкупить его оттуда. Но в августе 1942 года появился приказ об отправке специалистов на работы в Германию. Родственники уговорили его согласиться на должность полица в деревне: и в Германию ехать не придется, и своим помочь можно. Это решение чуть не стало роковым. Когда в 1943 году при отступлении немцев Добробабин вырвался к своим и, явившись в полевой военкомат в селе Тарасовка Одесской области, рассказал лейтенанту Усову все, на его честь легло несмываемое подозрение. После проверки, не обнаружившей факта измены Родине, его зачислили в звании сержанта в 1055-й полк 297-й дивизии. Добробабин не раз отличался в боях и был награжден орденом Славы 3-й степени. Но Звезду Героя ему дать отказались, несмотря на ходатайство начальника контрразведки 2-го Украинского фронта.

После демобилизации Добробабин вернулся в город Токмак, где жил до войны. Здесь его именем была названа улица и стоял памятник ему в полный рост. Но живой герой оказался никому не нужен. Более того, Иван Добробабин был репрессирован как бывший полицейский. Его арестовали и судили 8–9 июня 1948 года. За «измену Родине» Добробабин был приговорен к 25 годам лагерей. Впрочем, этот срок снизили до 15 лет (все-таки один из 28 панфиловцев). По представлению суда в Москве его лишили звания Героя Советского Союза. На процесс не вызвали ни одного свидетеля из села Перекоп (40 км от Харькова, где проходил суд), которые подтвердили бы его борьбу с немцами. Адвоката «предателю» тоже не дали. Герой-панфиловец отправился в лагерь... У памятника Добробабину отрезали голову, приварили другую, тоже героя-панфиловца, только погибшего.

Добробабин вышел на свободу досрочно через 7 лет, так и лишенный всех наград. Имя его нигде не называлось (его считали

погибшим), а в 1960 году официально запретили упоминать о Добробабине. Много лет московский военный историк Г. Куманев хлопотал о реабилитации героя. И добился своего: в 1993 году Верховный суд Украины реабилитировал Добробабина. А уже после смерти Ивана Евстафьевича (он умер 19 декабря 1996 г.) ему вернул звание Героя Советского Союза так называемый «Постоянно действующий Президиум Съезда народных депутатов СССР» во главе с Сажи Умалатовой.

А ставшая крылатой фраза политрука Клочкова целиком на совести журналистов. Панфиловская дивизия формировалась преимущественно из казахов, киргизов и узбеков, русских в ней было гораздо меньше половины. Многие почти не знали русского языка (только основные команды). Так что произносить патетические речи перед ротой политрук Клочков вряд ли стал бы: во-первых, добрая половина бойцов ничего бы не поняла, во-вторых, грохот от разрывов стоял такой, что даже команды не всегда слышали.